

УДК 165.742:008-024.28

Л. Н. Богатая, д-р философ. наук, проф.

ГУМАНИТАРНАЯ СЛОЖНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ НЕКОТОРЫХ АКТУАЛЬНЫХ ПОНЯТИЙ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова, Одесса, Украина

УДК 165.742:008-024.28

Л. Н. Богатая

ГУМАНИТАРНАЯ СЛОЖНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ НЕКОТОРЫХ АКТУАЛЬНЫХ ПОНЯТИЙ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова, Одесса, Украина

Гуманитарная сложность — это новый теоретический конструкт, исследовательский потенциал которого пока только проясняется. В статье гуманитарная сложность рассматривается в контексте представлений об авангарде, модернизации, инновациях. Гуманитарная сложность связывается с практиками выявления внутреннего порядка, который противостоит порядку внешнему. Утверждается взгляд на личность человека, формируемую под воздействием внешних социальных порядков, норм. Личность противопоставляется индивидуальности. Развивается мысль о том, что именно индивидуальность способна и призвана обнаруживать внутренние порядки, увеличивающие гуманитарную сложность. Делается вывод о том, что размышления о гуманитарной сложности естественным образом ведут к переосмыслению существующей системы ценностей. Представлен набор ключевых терминов, позволяющих продолжить дальнейшее исследование конструкта «гуманитарная сложность». К этому терминологическому ряду отнесены термины: простота, личность, индивидуальность, внешний и внутренний порядок, понимание, внутренняя хаотизация.

Ключевые слова: гуманитарная сложность, авангард, инновация, модернизация, личность, индивидуальность, внутренний и внешний порядок.

UDC 165.742:008-024.28

L. N. Bogataya

HUMANITARIAN COMPLEXITY IN CONTEXT OF SOME ACTUAL NOTIONS OF MODERN CULTURE

I. I. Mechnikov Odessa National University, Odessa, Ukraine

Humanitarian complexity is new theoretical construct, research potential of which is just clear up. In this article humanitarian complexity is discussed in the context of the avant-garde, modernization, innovation. Humanitarian complexity associated with practitioners to identify internal order, which is opposed to the external order. A look at the person that is generated by external social order, rules stated in this article. Personality is opposed to individuality. It develops the idea that the individual abilities and is designed to detect the internal orders that increase the humanitarian complexity. The conclusion is that the reflection on the humanitarian complexity naturally leads to a rethinking of the existing system of values. A set of key terms, allowing to continue further research of humanitarian complexity, is invited to discussion. By this terminological set are assigned terms: simplicity, personality, individuality, external and internal order, understanding the inner chaotization.

Key words: humanitarian complexity, avant-garde, innovation, modernization, personality, individuality, internal and external order.

Проблема «катастрофического перекося»

Любое исследование начинается с прояснения той проблемы, в недрах которой оно возникает. Проблема, в связи с которой возникла необходимость введения представлений о *гуманитарной сложности*, метафорически может быть названа «*проблемой ракурсного перекося*», или «*катастрофического перекося*».

Прояснение этой проблемы можно начать с весьма банального примера.

Ни один человек, скорее всего, не скажет о том, что левое полушарие его мозга является более важным, чем правое, ибо понятно, что нормальное функционирование организма может осуществляться только при условии гармоничного взаимодействия обоих. Но при этом вопрос о том, какие науки в первую очередь способствуют развитию человечества — уже кажется не столь странным. Многие полагают, что реальные изменения в современном мире стимулируются, в первую очередь, успешным развитием наук о приро-

де, математики. Достижения в этой сфере быстро находят практическое применение, преобразовываясь в новые технологии. Что же касается интересных результатов, полученных в рамках гуманитаристики, то они воспринимаются, скорее, как интересные игрушки, без которых вполне можно обойтись. Подобное отношение, во многом, стимулирует кризис гуманитарного знания, который выражается, в первую очередь, в снижении интереса молодых людей к занятиям гуманитарными науками, что обусловлено, несомненно, диктатом Рынка труда. *Гуманитарный продукт* и *IT продукт* кажутся несоизмеримыми по своей полезности. Чего могут стоить, к примеру, удачная метафора или интересная рифма на современном Рынке? Едва ли кто-либо согласится заплатить деньги за товар, польза от которого весьма сомнительна. А если нет возможностей обменять продукт труда на деньги, то и сам труд видится нецелесообразным. Описанная ситуация напоминает времена завоевания «диких народов», когда «просвещенные менялы» действительно ценные вещи обменивали на стекляшки и дикари первоначально радовались такому обмену и считали его справедливым! Понятно, что ситуация на рынке определяется теми ценностями, которые существуют в том или ином обществе. Однако складывающаяся ситуация, без преувеличения, ведет к катастрофе. Перекос в отношении к естественнонаучным и гуманитарным дисциплинам можно назвать «катастрофическим перекосом». Определенным прояснением отмеченной точки зрения видится попытка экспликации конструкта «гуманитарная сложность».

Цель представленного ниже текста заключается в том, чтобы, при условии допущения правомерности и эффективности развития *гуманитарного взгляда* на проблему *сложности*, выявить ключевые элементы нового терминологического аппарата. Этот аппарат позволит переосмыслить представления о *сложности* с гуманитарной точки зрения. Помимо этого ставится задача зафиксировать самые первые смыслы, которые могут быть связаны с конструктом *гуманитарная сложность*.

Гуманитарная сложность в контексте представлений о модернизации, авангарде, инновациях

Ключевой тезис, с которого предлагается начать последующие рассуждения, кажется, в некотором смысле, неожиданным и состоит в следующем: *модернизация, авангард, инновации* и *сложность* представляют собой явления, теснейшим образом взаимосвязанные.

Если использовать точку зрения Ю. Хабермаса [10], то процессы модернизации осваиваются человечеством достаточно давно. Любой очередной виток модерна обусловлен направленностью на *фундаментальное обновление*: будь то смена

религиозной доктрины или научной теории. На определенных этапах культурного развития тот или иной старый *порядок* оказывается изжившим себя и ему на смену должен прийти порядок иной. Исследования различных примеров культурной модернизации свидетельствуют о том, что обычно модерн сопровождается мощным всплеском *авангарда* [10]. Авангардная мысль стимулирует культурные изменения, расшатывает старый порядок, выявляя и обозначая ключевые эстетические направления модернизации. Тем самым авангард можно рассматривать как своеобразный инструмент модернизации, фиксирующий основные эстетические принципы очередного модернизационного витка.

Авангард, авангардная мысль неизбежно декларативны. Часто формами организации подобных деклараций выступают *манифесты*, о которых чрезвычайно интересно размышляет М. Эпштейн [11]. В манифестах публично заявляется курс на прерывание традиции и организацию нового *порядка*. Формулируются основные положения новых *мифов* — художественных, философских, научных. Положения этих мифов принципиально невыводимы из предыдущего знания.

Авангард — это не только декларация, но и *декламация*, в которой важно не только то, что говорится, но и то, как осуществляется это говорение. К примеру, авангардизм С. Дали — это не только его картины, но и провокативный стиль всей жизни, «эпатирующее чудачество». В этой связи можно приводить и множество других примеров.

Зачастую потенциалы, содержащиеся в том или ином авангардном выплеске, значительно превышают то, что реально может быть воспринято социокультурным окружением. Потенциальность оказывается большей, чем возможности реализации. В качестве примера можно привести *русский авангард* первых десятилетий XX в. Этот авангардный порыв захлебнулся в социальной инерции, неспособности социокультурной среды принять иницирующий импульс. В результате большая часть авангардной живописи перекочевала в запасники музеев в ожидании лучших времен. Но именно избыточная потенциальность авангарда и делает его «вечно актуальным». Авангардные идеи легко перешагивают культурные границы. Как иначе объяснить тот факт, что, к примеру, в 2010 г. 200 картин русских авангардистов, практически через сто лет после их создания, путешествовали в течение семи месяцев по трем городам Японии? Название проекта весьма характерно: «Мечты русского авангарда. 1917–1937». В чем же притягательность мечтаний авангардистов? Может быть, это мечты о новых *порядках*?

Переоткрываемый авангард обретает уже новые лики — лики *инновации*, в которых миру еще раз предъясняется то, что уже было актуализиро-

вано ранее. Инновация — это своеобразная **рекурсия**, возвращение «*нераскрытого*» *былого* или *возвращение в «неизведанное» былое*. В отличие от инновации, авангард формируется в недрах все-стороннего глубокого общекультурного кризиса. По этой причине он и несет в себе черты целостности, глобальности. Инновации же, скорее, связаны с локальными модернизациями.

Инновации, также как и авангард, представляют собой инструменты модернизации. По сравнению с авангардными проявлениями инновации фрагментарны и стимулируют к изменениям мягко, незначительно изменяя старый порядок. Инновации могут быть *точечными* (к примеру, инновации в речи — путем введения различных тропов). В качестве примера точечных инноваций можно рассматривать и диффузию терминов из одной дисциплинарной лакуны в другую в результате трансдисциплинарных переносов. Точечные инновации могут быть организованы в *инновационные кластеры*, которые могут перерастать в сложную *систему инкодирования* (к примеру, живопись В. Кандинского с ее специфическим алфавитом). Но живопись Кандинского совершенно очевидно относится к проявлениям авангарда. Тем самым масштабные инновации очевидно переплетаются с авангардными вызовами и видятся как наборы *рациональных шагов*, осмысленных движений в направлении модернизации. Эти движения лишены поэтических, эстетических авангардных жестов, авангардного экстаза. Но, тем не менее, и инновация предстает еще одной попыткой раскрытия *иного* порядка, который потенциально существует, но пока не может быть воспринят, актуализирован средой.

К сожалению, модернизационные эффекты от инновационных действий не могут быть значительными, ибо среду, в которую вводится инновация, необходимо «*эмоционально раскачать*». Такие «эмоциональные раскачки» и достигаются, отчасти, путем создания «инновационных кластеров», в формировании которых ключевой оказывается роль представителей художественного авангарда. Можно предположить, что необходимый эмоциональный фон создается путем острых и многочисленных человеческих переживаний, вызванных, к примеру, экзистенциальными катастрофами. Ужасы войн (глобальных или локальных), безусловно, поднимают общее эмоциональное настроение, позволяющее осуществить те или иные инновационные сдвиги. Примером тому может быть высокий всплеск науки, наблюдавшийся в СССР после Второй мировой войны. Или — *итальянский неореализм в кино* — очевидный пример активации послевоенного авангарда. Или — русский и другие европейские авангардные течения первых десятилетий XX в., которые во многом порождены кошмарами Первой мировой войны. Но, и это кажется чрезвычайно важным, *эмоциональный выплеск и эстети-*

ческий катарсис — это явления разного «онтологического» порядка. Эмоциональные напряжения стимулируют эстетические прорывы, но духовный заряд, заложенный в эстетических катарсисах, намного более мощен.

Любые авангардные проявления стимулируют фундаментальные эстетические сдвиги, в лонах которых только и возможна фундаментальная модернизация, направленная на обретение нового порядка. Осмысление отмеченного стимулирует закономерный вопрос: неужели, для того чтобы принципиально модернизировать современный мир, человечество должно пережить катастрофу Третьей мировой войны, в недрах которой может взречь новый эстетический авангард? Или — времена изменились, и модернизация стимулируется, в первую очередь, наукой и сформированными на ее основе технологиями? И вот здесь опять возникает мотив «*ракурсного тупика*» или «*катастрофического перекоса*».

«Гуманитарная сложность» — выявление нового терминологического ресурса

Традиция изучения *сложности* в рамках естественных наук обнаруживает самые первые ключевые слова, необходимые для начала анализа: это **порядок** и **хаос**. Именно эти слова формируют название одной из наиболее значительных книг XX в. [9]. Сложность возникает в результате привнесения, накопления *хаотичного* и, как следствие, своеобразного «сбоя» в развитии, отторжения *старого порядка*. Ситуация беспорядка, как известно, оказывается *неустойчивой, нестабильной*, и в результате этого система стремится к выявлению порядка нового. Все эти утверждения кажутся элементарными и очевидными для специалистов, изучающих поведение сложных систем.

Если же попытаться обозначенные явления переформулировать в терминах *гуманитаристики*, то получается следующее.

О *сложном*, обычно, говорят как о *запутанном*. Запутанность возникает в результате множественных *повторов, накручиваний, дискурсий* (что весьма близко представлениям о *рекурсии, рекурсивных петлях*) [1; 8]. Сложность часто маркируют как результат *бестолковых, абсурдных действий* (к примеру, именно *сложной и абсурдной* называют авангардную, концептуальную живопись). Такая сложность *тяготит и напрягает*, стимулирует к совершению проясняющего *поступка*, ведущего к восстановлению желанного *порядка*. Очень часто таким поступком оказывается элементарное *отвержение*. Человек отвергает то, что сложно, и восстанавливает старый порядок. Тем самым обнаруживается следующая терминологическая цепочка: **сложное** — *запутанное, абсурдное, напрягающее, требующее разрешения*, в первую очередь, *путем совершения поступка*. При этом сразу же хочется добавить

очень важное уточнение М. Бахтина — *совершенные ответственного поступка* [2]. *Ответственный поступок* — это поступок этически осмысленный, соотносящий происходящее с существующей системой ценностей.

Взгляд на внешние проявления сложности можно сместить и попытаться понять, что является толчком к разрастанию сложности.

К примеру, можно предположить, что это своеобразный результат инвольтации от соприкосновения с Единым. Итогом подобных касаний становится привнесение потенциальной множественности, стимулирующей проявления новых порядков. Любая система фиксирует тот или иной порядок. Сложная система — это одновременное сосуществование множества конкурирующих порядков, которые сонастраиваются, уменьшая вероятности своих разрастаний и закреплений. Сложность ассоциируется с *полнотой*, «экзистенциальной полнотой», своеобразным «многообразием порядков», «многомерностью» [3].

Разговоры о сложном требуют непременно уравнивания простотой. Сложное — упрощается, простота — усложняется. В отличие от терминов сложность, порядок, хаос, которые уже были существенно отрефлексированы в рамках естественнонаучного знания, слово простота кажется характерным, в первую очередь, для гуманитарных дискурсов. В естественных дисциплинах существует весьма усеченное представление о простоте, когда, к примеру, речь идет о «простых системах», но это словосочетание никак не охватывает многообразия оттенков гуманитарной простоты: от «опрощения» Л. Н. Толстого до, к примеру, «простого» «Черного квадрата» К. Малевича (см. более подробные размышления по этому поводу [4; 6]).

В контексте гуманитарных перетолкований сложности и простоты можно попытаться соотнести еще два весьма активных, но все еще недостаточно отрефлексированных гуманитарных понятия: индивидуальность и личность.

Одно из утверждений, которое никак не может быть доказано и является некоторой декларацией, состоит в том, что человек является в мир для того, чтобы выявить свою индивидуальность, характеризующую уникальные порядки, которые могут быть привнесены (инсталлированы) в этот мир в процессе жизнедеятельности. Эти порядки «едва уловимые» и, на первый взгляд, даже незначительны, но есть основания для предположения о том, что именно они являются одним из источников глобальных планетарных изменений.

В процессе освоения существующих культурных ценностей индивидуальный импульс преобразуется (трансформируется, деформируется) путем наработки, наращивания личностной ипостаси, развитие которой связано с освоением окружающей культурной среды. Личность в дан-

ном случае понимается как результат погружения индивидуальности в культурное лоно или иначе: личность возникает в процессе социокультурного включения индивидуальности. Проблема человека, его извечная боль, — это потеря индивидуальности, ее растворение (вплоть до полного забвения) в результате наращивания личностного начала (поиски себя, своей самости можно рассматривать как попытки возвращения к уникальной индивидуальности). Становясь в своей личностной оболочке «почти таким, как все», человек теряет ключ к собственному источнику, в котором и заложено его предназначение, его инаковость, его уникальность. В этой связи десоциализация даже видится как своеобразный путь к преодолению социокультурных пут. Однако в осмыслении этой темы все не так просто, поэтому ее можно лишь зафиксировать и оставить открытой.

Представления о личности и индивидуальности можно переформулировать с использованием слова порядок. Личность — схватывает, фиксирует, закрепляет те внешние порядки, которые активны в настоящий момент в социокультурном окружении человека. Личностно человек становится похожим на всех, принимая и поведенчески закрепляя набор общепринятых норм. Поиски идентичностей — гендерной, культурной, религиозной и прочих направлены на поиски именно культурно укорененных порядков (чрезвычайно интересные в этой связи размышления П. Слотердайка [7]).

Индивидуальность тоже ищет порядок, но порядок иной, тот, который пока еще не проявлен. Экзистенциальные напряжения человека, «муки творчества» направлены на соприкосновение с хаосом, в результате которого этот порядок прощупывается, предчувствуется. Как уже было отмечено, этот порядок может быть весьма незначительным. Внешне он может проявляться, к примеру, в изменениях стиля одежды, перестройке квартиры, смене круга друзей... Формы проявления нового порядка могут быть разными. Актуализироваться этому порядку всегда очень сложно. Современные социальные институты во многом призваны приучить человека, привить ему существующие социальные нормы и стандарты. Попытки же привнесения беспорядка различным способом «пресекаются»¹.

Размышления о личности и индивидуальности в контексте гуманитарного истолкования сложности могут быть использованы следующим образом.

Личность связана с порядком, она формируется под воздействием социокультурных норм и, в

¹ При этом сразу же возникает мысль о том, что, к примеру, «мягкое» изгнание философии из современных вузов и есть своеобразная попытка социального отторжения среды, в которой вскармливается инаковость.

свою очередь, обладает упорядочивающим началом. Что же касается индивидуальности, то она, в своих попытках выявления уникальных модулей порядка, усложняет жизненные ситуации. Привнесение в жизнь *сложности* стимулирует в человеке своеобразное *экзистенциальное напряжение*, которое может быть разрешено только в результате совершения *поступка*. Если поступок *ответственен*, то он затрагивает существующую *систему ценностей*. Тем самым встреча со *сложностью* стимулирует начало *ценностных прорывов*, своеобразное переживание и переутверждение имеющих место ценностных оснований. С учетом того, что в гуманитарных дискурсах сложность часто маркируется словом *проблема*, то и *проблематизации* естественно связать с активациями ценностных изменений.

Таким образом, в гуманитарном дискурсе появляется основание для обсуждения тем *старого* порядка и *нового*, *внешнего* и *внутреннего*, *личностного* и *индивидуального*. Помимо этого, гуманитарное перетолковывание термина *порядок* актуализируют такие слова, как *ясность*, *понимание*, *простота* и, наконец, даже *расслабление*, *замедление* (см. статью П. Силлиерса [12]).

Словами *сложность* и *простота* маркируется своеобразный *модельный цикл человеческой активности*, или — *цикл познавательной активности*. Этот цикл начинается с усложнения, со сбоя существующего внешнего порядка за счет привнесения индивидуальностью предчувствий о порядках новых. Этот сбой усиливается *непониманием*. Непонимание оборачивается *хаотизацией*. Однако состояние хаоса является неустойчивым. И вот здесь возникают, как минимум, два возможных варианта стабилизации. Либо — возвращение к старому порядку, и тогда все напряжения были напрасны, либо — закрепляется росток *нового*.

К сожалению, в современном разбалансированном мире *человека* рассматривают, в первую очередь, как личность. Все варианты десоциализации, социальной маргинальности маркируются как болезненные отклонения. Любую депрессию, которая является первым признаком начала внутренней хаотизации, глушат антидепрессантами. И при этом интеллектуалы размышляют о том, откуда же возникли идеи «машинного человека», «человека-куклы». Но разве человек, ограниченный личностью, не есть человек-кукла, человек-оболочка, человек-личина? И тогда «машинная цивилизация» — это не результат злого умысла, а следствие ежедневных выборов в пользу личности в ущерб индивидуальности, выборов в пользу коллективных порядков в ущерб предчувствуемым росткам нового, которые могут быть проявлены, «выстраданы» каждым отдельным человеком? И тогда каждый человек это вовсе не винтик, а творец? Быть может, прав был

И. Пригожин, предвещая приход эры нового ренессанса [5; 9]?

Возвращение гуманитарной сложности

Главный пафос всего отмеченного выше может быть обобщен следующими выводами.

1. Конструкт *гуманитарная сложность* не является новым. Многие герои Ф. И. Достоевского являются «*нормальными сложными людьми*». И, вероятно, вся гениальность русского писателя и заключена в том, что еще в преддверии начала XX в. он обнаружил «*катастрофический культурный перекос*», вследствие которого князь Мышкин казался больным, ненормальным человеком на фоне вполне «здорового» окружения. Как-то совсем незаметно *болезнь* и *норма* поменялись местами. Все это происходило на культурном фоне того, что любые проявления метафизики настойчиво пресекались различными модификациями позитивизма. Естественные науки, технологии заняли главенствующее место в человеческой культуре. А дальше — совсем по Фрейдю. Человек, лишенный, отлученный от возможности практики собственной сложности, обращается к изучению сложности внешней, что и венчается созданием «науки о сложном».

2. Современный мир, требующий фундаментальной модернизации, зачастую ограничивается локальными модернизациями или даже локальными инновациями. Фундаментальные модернизации тесно связаны с эстетическим авангардом, выявляющим принципы предчувствуемых трансформаций. *Авангард* и *инновации* можно рассматривать в качестве инструментов модернизационных процессов, более глубокому пониманию которых способствует развитие представлений о *гуманитарной сложности*.

3. *Наука о сложном* не сможет вывести человечество из того кризиса, в котором оно «завязло» без возвращения к осмыслению сложности *гуманитарного толка*. Гуманитаристика же не может ограничиваться тем, что являть собой аморфное объединение «околочеловеческих» дисциплин, стремящихся стать под знамена «нормальной науки». *Когнитология* не подменит *гносеологию*, а *гносеология* — *поэзию*. Гуманитарная сложность — это возвращение философии, математики, искусства, которые призваны стать доступными каждому человеку.

4. Самые первые размышления о *гуманитарной сложности* позволяют наметить тот терминологический ресурс, благодаря которому понимание сложности и ее роли в жизни человека становится более глубоким. Видится, что первоочередное внимание должно быть уделено переосмыслению таких знакомых слов, как *простота*, *личность*, *индивидуальность*, *внешний и внутренний порядок*, *понимание*, *внутренняя хаотизация*... Перспективным видится соотнесение традиционного аппарата теории сложности и аппарата изуче-

ния сложности гуманитарной (к примеру, даже самого первого взгляда достаточно для того, чтобы понять, что термины *рекурсия* и *запутывание* весьма различно маркируют схожие процессы).

5. Размышления о гуманитарной сложности естественным образом ведут к переосмыслению существующей системы ценностей. К примеру, *боль* — это гуманитарная ценность, ее не нужно сразу же обращать в болезнь и глушить таблетками, наркотиками, алкоголем, важно учиться ее переживать, преобразовываясь в этом переживании, изменяясь в этих переживаниях и изменяя весь мир.

И последнее. Многое из того, что представлено в этом тексте напоминает, скорее, манифест, нежели скрупулезное научное исследование. Но это и есть ответ, к примеру, на призыв Центра системных исследований имени Л. фон Бергаланфи к авангардным действиям [13], в результате которых только и может быть манифестирован новый порядок, который пока только предчувствуется современным человеком.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аршинов В. И. Сложностный мир и его наблюдатель / В. И. Аршинов, Я. И. Свирский // *Философия науки и техники*. – 2015. – Т. 20, № 2. – С. 70–84.
2. Бахтин М. М. К философии поступка / М. М. Бахтин // *Работы 1920-х годов*. – К. : Next, 1994. – 383 с.
3. Богатая Л. Н. На пути к многомерному мышлению / Л. Н. Богатая. – Одесса : Печатный дом, 2010. – 372 с.
4. Богатая Л. Н. Проблематизация темы мышления / Л. Н. Богатая // *Философия мышления : сборник статей* / ред. кол. Л. Н. Богатая, И. С. Добронравова, Ф. В. Лазарев ; отв. ред. Л. Н. Богатая. – Одесса : Печатный дом, 2013. – С. 163–195.
5. Богатая Л. Н. Конец постмодернизма? / Л. Н. Богатая // *Наукове пізнання: методологія та технологія*. – 2004. – № 13. – Вип. 1. – С. 17–25.
6. Киященко Л. П. Простота сложности и сложность простоты (мерность различения) / Л. П. Киященко // *Философия науки*. Вып. 18: *Философия науки в мире сложности* / отв. ред. : В. И. Аршинов, Я. И. Свирский. – М. : ИФ РАН, 2013. – С. 278–292.
7. Култаева М. Д. Ти мусиш змінити своє життя (переклад М. Култаєвої роботи П. Слотердайка) [Електронний ресурс] / М. Д. Култаєва // *Філософія освіти*. – 2014. – № 1. – Режим доступу : URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/timusish-zminiti-svoe-zhittya-pereklad-m-kultaevoyi-roboti-p-sloterdayka> (дата обращения: 22.03.2016).
8. Морен Э. *Метод. Т. 1. Природа Природы* / Э. Морен ; пер. с фр. Е. Н. Князевой. – М. : Прогресс-Традиция, 2005. – 464 с.
9. Пригожин И. *Порядок из хаоса* / И. Пригожин, И. Стенгерс ; пер. с англ. Ю. А. Данилова. – М. : Прогресс, 1986. – 432 с.
10. Хабермас Ю. *Модерн — незавершенный проект* / Ю. Хабермас // *Вопросы философии*. – 1992. – № 4. – С. 40–53.
11. Эпштен М. *De'but de siecle, или От пост- к прото-*. Манифест нового века [Электронный ресурс] / М. Эпштен. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/znamia/2001/5/epsh.html>
12. Cilliers P. *On the Importance of a Certain Slowness* / P. Cilliers // *Worldviews, Science, and Us: Philosophy and Complexity* / ed. by C. Gershenson, D. Aerts, B. Edmonds. – Singapore, 2007.
13. Bertalanffy Center for the Study of Systems Science (BCSSS) [Electronic resource]. – Access mode : <http://emcsr.net/calls-2016/call-for-submission>

Поступила 10.10.2016

Рецензент д-р философ. наук, доц. В. Б. Ханжи